

СТИЛЬ

— Cartier, колье, 1947

— Говард Картер (справа) у входа в гробницу Тутанхамона, начало 1923 года

— Cartier, подвеска, конец 1920-х

— Cartier, броши, 1927

— Cartier, диадема, 1920-е

— Рисунки с северной внутренней стены гробницы Тутанхамона

в середине 1920-х французская модница могла украсить себя ожерельем в духе древнеегипетской пекторали

египетскому стилю в вещах повседневного быта оказался не очень долговечным, и затем — вплоть до конца XIX века — среда бытования египетских мотивов была довольно ограниченной. Во-первых, декорация музейных залов, где выставлялись коллекции соответствующих экспонатов, частные и государственные. А во-вторых и в-главных — всякие погребальные и мемориальные сооружения: обелиск, пирамида или характерная архитектурная форма в виде усеченной пирамиды могли фигурировать в ампулах и кладбищенского надгробия, и садово-паркового павильона со слезливым звучанием, и даже православной церкви, как в случае с Никольской мемориальной церковью (1870), посвященной памяти защитников Севастополя.

И когда на рубеже веков интерес к Египту вновь оживился, это было связано не столько с достижениями археологов, сколько с очередным витком спроса на как бы древнюю эзотерику. Нужно было дождаться очередных научных прорывов после Первой мировой, подкрепленных на сей раз массивными действиями тогдашних медиа, чтобы случился очередной ренессанс египтомании — на сей раз невиданно массовой. Гробницы эпохи Нового царства в так называемой Долине царей начали раскапывать давно, но в этом-то и была вся сложность — почти все захоронения были к началу прошлого века уже тронуты ворами. Собственно гробница, получившая неброское обозначение KV62, тоже была грабителям известна, но по каким-то причинам основной объем хранившихся в ней заупокойных даров они не стали растаскивать. Находками, которые обнаружила экспедиция археолога Говарда Картера, можно было укомплектовать целый музей средней руки: кресла, ложа, утварь, наконец, сам фараон, носивший красочное имя Тутанхамон («живое подобие Амона»), был упакован помимо каменного внешнего саркофага в килограммы золотых украшений.

Известия о гробнице Тутанхамона, растрогаженные с наглядными фотоиллюстрациями в газетах всего мира, стали для египтомании не менее важным этапом, чем подвиг наполеоновских ученых. Здесь сошлось все, что можно: и невиданный прежде клад, воскрешавший в памяти баснословные рассказы о фараоновских сокровищах, и воспроизведенная в надгробной

маске располагающая физиономия юного царя, изображение которой облетело весь мир, и страшилка о проклятии, в результате которого-де умерли организаторы и участники экспедиции Говарда. Массовый зритель мечтал, думая о Египте, о волшебной роскоши и страшных тайнах — и вот он их получил в полном объеме. И искусство ар-деко — что европейского, что американского — благодарно взялось за освоение накопленного поколениями древнеегипетского материала.

Растиражированные произведения из тутанхамоновского склепа наконец помогли сломать эту страшную мистически заупокойную стену, которая веками преграждала для европейского обывателя доступ к Египту нормальному, живому, любившему комфорт и земные блага. Теперь модница могла украсить себя ожерельем в духе древнеегипетской пекторали с лазуритовыми скарабейками, не боясь показаться мумией, а архитектор мог отделать модный особняк в нильском духе, не опасаясь ассоциаций с гробницами. Египет стал синонимом не одухотворенной вечности, а гедонистической погони за роскошью, несколько даже тяжеловесной, царственной, густо-экзотичной. В Америке 1920–1930-х под египетские храмы стали в массовом порядке оформлять кинотеатры и варьете, а Клеопатра, в которой видели не эллинистическую монархиню, а декадентское отображение великолепия фараонов, надолго стала одной из самых завлекательных героинь кинематографа — вплоть до Элизабет Тейлор. Теперь сведения о Древнем Египте доступны всем, произведения египетского искусства самых разных эпох тоже, и уже со школьной скамьи всем вроде как положено знать, что Египет фараонов — это сложная цивилизация с очень разными периодами. Но ничего не подделаешь, в голове у среднего гражданина остается все тот же скудный, но величественный набор олицетворяющих нильское царство персон: легендарный Хеопс (потому что построил великую пирамиду), великий Рамзес II (потому что имя красивое), юный Тутанхамон, правивший считанные дни (потому что с ним связана самая славная египтологическая находка), и Клеопатра, проматывавшая на своих пирах области и провинции — потому что наука наукой, а для рыночного успеха грош цена даже самой легендарной и седей роскоши, если с ней нельзя связать эффектное женское имя.

— Van Cleef & Arpels, карманные часы и ручка, 1929

